

В НЕДЕЛЮ АНТИПАСХИ

Не поверил ученик Христа Фома, когда сказали ему другие ученики, что они видели воскресшего Учителя. «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Ин.20:25). И, конечно, то же самое вот уже веками повторяет человечество.

Разве не на этом – увижу, прикоснусь, проверю – основана вся наука, все знание? Разве не на этом строят люди все свои теории и идеологии? И не только невозможного, но как будто и неверного, неправильного требует от нас Христос: «Блаженны не видевшие, – говорит Он, – и уверовавшие» (Ин.20:29). Но как же это так – не видеть и поверить? Да еще во что? Не просто в существование некоего высшего Духовного Существа – Бога, не просто в добро, справедливость или человечность, – нет.

Поверить в воскресение из мертвых – в то неслыханное, ни в какие рамки не укладывающееся благовестие, которым живет христианство, которое составляет всю его сущность: «Христос воскрес!»

Откуда же взяться этой вере? Разве можно заставить себя поверить?

Вот с печалью или же с озлоблением уходит человек от этого невозможного требования и возвращается к своим простым и ясным требованиям – увидеть, тронуть, ощутить, проверить. Но вот что странно: сколько он ни смотрит, ни проверяет и ни прикасается, все столь же неуловимой и таинственной остается та последняя истина, которую он ищет. И не только истина, но и самая простая житейская правда.

Он как будто определил, что такое справедливость, но нет ее на земле – все так же царят произвол, царство силы, беспощадность, ложь.

Свобода... Да где она? Вот только что, на наших глазах, люди, утверждавшие, что они владеют настоящим, всеобъемлющим научным счастьем, сгноили в лагерях миллионы людей, и все во имя счастья, справедливости и свободы. И не убывает, а усиливается гнетущий страх, и не меньше, а больше ненависти. И не исчезает, а возрастает горе. Увидели, проверили, тронули, все рассчитали, все проанализировали, создали в своих ученых лабораториях и кабинетах самую что ни на есть научную и проверенную теорию

счастья. Но вот выходит так, что не получается от нее никакого, даже самого маленького, простого, реального житейского счастья, что не дает она самой простой, непосредственной, живой радости, только все требует новых жертв, новых страданий и увеличивает море ненависти, преследований и зла...

А вот Пасха, спустя столько столетий, и это счастье, и эту радость – дает. Тут как будто и не видели, и проверить не можем, и прикоснуться нельзя, но подойдите к храму в пасхальную ночь, взгляните в лица, освещенные неровным светом свечей, вслушайтесь в это ожидание, в это медленное, но такое несомненное нарастание радости.

Вот в темноте раздается первое «Христос воскрес!» Вот гулом тысячи голосов прокатывается в ответ: «Воистину воскрес!» Вот открываются врата храма, и льется оттуда свет, и зажигается, и разгорается, и сияет радость, которой нигде и никогда нельзя испытать, как только тут, в этот момент. «Красуйся, ликуй...» – откуда же эти слова, откуда этот вопль, это торжество счастья, откуда это несомненное знание? Действительно, «блаженны не видевшие и уверовавшие». И вот тут-то это как раз и доказано и проверено. Придите, прикоснитесь, проверьте и ощутите и вы, маловерные скептики и слепые вожди слепых!

«Фомой неверным», неверующим, называет Церковь усомнившегося апостола, и как примечательно то, что вспоминает

она о нем и нам напоминает сразу же после Пасхи, первое воскресение после нее называя Фоминым. Ибо, конечно, и вспоминает, и напоминает не только о Фоме, а о самом человеке, о каждом человеке и обо всем человечестве. Боже мой, в какую пустыню страха, бессмыслицы и страдания забрело оно при всем своем прогрессе, при своем синтетическом счастье! Достигло луны, победило пространства, завоевало природу, но, кажется, ни одно слово из всего Священного Писания не выражает так состояния мира, как вот это: «Вся тварь совокупно стонет и мучится» (Рим.8:22). Именно стонет и мучается, и в этом мучении ненавидит, в этих потемках истребляет самое себя, боится, убивает, умирает и только держится одной пустой бессмысленной гордыней: «Если не увижу, не поверю».

Но Христос сжалился над Фомой и пришел к нему и сказал: «Поддай перст твой сюда и посмотри руки Мои, подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим» (Ин.20:27). И Фома упал перед Ним на колени и воскликнул: «Господь мой и Бог мой!» (Ин.20:28). Умерла в нем его гордость, его самоуверенность, его самодовольство: я, мол, не так, как вы, меня не проведешь. Сдался, поверил, отдал себя – и в ту же минуту достиг той свободы, того счастья и радости, ради которых как раз и не верил, ожидая доказательств.

В эти пасхальные дни стоят перед нами два образа – воскресшего Христа и неверующего Фомы: от Одного идет и льется на нас радость и счастье, от другого – мучение и недоверие. Кого же мы выберем, к кому пойдем, которому из двух поверим? От Одного, сквозь всю человеческую историю, идет к нам этот никогда не пресекающийся луч пасхального света, пасхальной радости, от другого – темное мучение неверия и сомнения...

В сущности, мы и проверить можем теперь, и прикоснуться, и увидеть, ибо радость эта среди нас, тут, сейчас. И мучение тоже. Что же выберем мы, чего захотим, что увидим? Может быть, не поздно еще воскликнуть не только голосом, но и действительно всем существом своим то, что воскликнул Фома неверующий, когда наконец увидел: «Господь мой и Бог мой!». И поклонился Ему, сказано в Евангелии.

Протопресвитер Александр Шмеман

ТАК ГОВОРIT БИБЛИЯ – ИЛИ ЕЕ ТОЛКОВАТЕЛЬ?

«А в Библии написано, что...» – главный аргумент в разных богословских спорах. И ссылку обычно дают, а то и пальцем показывают: действительно, что-то такое написано. Или не совсем такое, но звучит похоже. Или не очень похоже, но... Стоп! А как определить, действительно ли библейский текст подтверждает именно то, что с его помощью пытаются доказать? Разве Библия недостаточно понятна сама по себе? А если понятна, откуда так много разных богословских школ, не согласных друг с другом?

«ТЫ ЧИТАЙ, ЧТО НАПИСАНО!»

Есть анекдот про богослова, исследователя Посланий апостола Павла, который умер и попал в рай. Конечно, там он сразу пожелал встретиться с самим апостолом. И вот беседуют они за закрытой дверью час, другой... а потом выбегает апостол, держась за голову, и кричит: «Да не имел я этого в виду!» А за ним по пятам богослов: «Нет, ты читай, что в Библии написано!»

В самом деле, почему мы так уверены, что можем точно понять смысл библейского текста? В повседневной жизни мы то и дело переспрашиваем друг друга: «Что ты имел в виду?», «Ты на самом деле так думаешь, или это шутка?» Но если даже в быту нам не всегда с первого раза удастся достичь взаимопонимания, то тем более непросто бывает понять, что имели в виду авторы, жившие много веков назад и говорившие о довольно сложных вещах.

Так понятна ли Библия сама по себе? И да, и нет. С одной стороны, едва ли среди религиозных текстов мира отыщется столь же простой и ясный, как Евангелие. Всё самое главное в Библии сказано предельно ясно.

Но если человек начинает вчитываться, интересоваться подробностями и деталями, у него возникает множество вопросов, ответить на которые бывает непросто... В одном и том же Евангелии от Иоанна Христос говорит вещи, казалось бы, противоположные: «Я и Отец – одно» (10:30) и «Отец Мой более Меня» (14:28). Одно из этих выражений можно понять только через призму другого. Где же критерии выбора? Если истолковывать Библию исключительно изнутри самой Библии, то его нет: можно понять так, можно эдак. Но есть коллективный опыт прочтения Библии общиной верующих, которая этот текст сама и породила – этот опыт мы называем церковным Преданием. И оно подсказывает, что главное здесь: «Я и Отец – одно»; второе высказывание не отменяет первое, но говорит о добровольном подчинении Сына Отцу, о том, как Он умирался в воплощении.

Есть, разумеется, и другая трактовка. В древности ариане, а в наши дни свидетели Иеговы настаивают, что Христос вовсе не был равен Богу и что за основу надо брать слова «Отец мой более Меня». Можно сказать, что у свидетелей Иеговы в данном случае сформировалось собственное предание, своя традиция толкования Библии.

Можно подумать, что проблема толкования касается только каких-то особо сложных мест, специальных терминов, но это далеко не так. Часто даже в простом повествовании нас ждут подводные камни, и старый добрый Синодальный перевод может нас подвести. Вот, например, как описывает он действия царя Давида после взятия столицы аммонитян Раввы (2 Царств 12:31): «А народ, бывший в городе, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими». Неужели царь Давид действительно, словно маньяк в припадке бешенства, подверг соседний народ столь жестокому уничтожению? В оригинале ничто однозначно не указывает на такое прочтение. Там сказано только, что Давид «поставил» этих людей к этим орудиям. Для мучительной казни? Возможно. Или все-таки для подневольного труда с пилами, топорами и у обжигательных печей? Здесь, по-видимому, перед нами тот случай, когда автор имел в виду одно, а часть переводчиков увидела в тексте нечто другое. Хотя древние читатели прекрасно знали, что их соседи аммонитяне вовсе не были поголовно истреблены в царствование Давида, и потому понимали этот текст иначе. Так и мы, читая, что профессор «зарезал» студента на экзамене, понимаем, что студент остался жив-здоров и лишь получил двойку. А если бы профессор действительно совершил убийство, рассказ звучал бы совсем иначе.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ПРОРОЧЕСТВ

Но бывает, что автор сознательно использует двусмысленные выражения. Такая игра слов нам больше знакома по анекдотам (Штирлиц выстрелил в упор, упор упал), но встречается она и в совершенно серьезных пророческих текстах. Прочитаем, к примеру, начало 29-й главы книги Исайи: «Горе Ариилу, Ариилу, городу, в котором жил Давид!» Ариил в данном случае – поэтическое наименование Иерусалима, но сейчас нас интересует не это. Выражение, которое здесь переведено: «Город, в котором жил Давид», можно понять и как: «город, рядом с которым Давид стоял лагерем».

С одной стороны, Иерусалим, действительно, – славная столица великого царя Давида. Но с другой... Ведь прежде этот город находился в руках язычников, и войску Давида пришлось брать его

штурмом! Не случайно через пару строк мы читаем: «Я расположусь станом вокруг тебя, и стесню тебя стражею наблюдательною, и воздвигну против тебя укрепления».

Жители Иерусалима, вероятно, полагали, что город Давида, где расположен Храм, находится под безусловной защитой Господа. Но Он говорит им: смотрите, если Иерусалим будет вести себя как языческий город, то его снова будут брать штурмом, как во времена Давида. А если вы пойдете по стопам Давида, то можете рассчитывать на Мое покровительство; всё зависит от вас.

Особенно характерно такое неоднозначное прочтение для поэтических и пророческих книг. И нередко в Новом Завете древнее пророчество начинало звучать по-новому, обретало свой подлинный, более глубокий смысл. Вероятно, именно это имели в виду отцы Церкви, когда говорили: «Новый Завет скрывается в Ветхом, Ветхий – раскрывается в Новом».

Вот, к примеру, слова апостола Павла (1 Кор 15:54–55): «Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! где твоё жало? ад! где твоя победа?» Это изречение православные люди обычно знают из пасхального богослужения, точнее, из Огласительного Слова Св. Иоанна Златоуста, в котором есть эта цитата. Но и апостол, в свою очередь, цитировал ветхозаветного пророка Осию (Ос 13:14).

Откроем Осию – и удивимся. Он говорит не об избавлении, а о наказании, и слова «где твоё жало? где твоя язва?» (а не победа) – звучат скорее как угроза выпустить на волю это самое жало и эту язву. Такое разнообразие интерпретаций, конечно, может шокировать современного читателя. Что же именно имел в виду пророк? Ведь не может быть, чтобы Господь в одной и той же короткой фразе одновременно грозил людям и давал им самые смелые надежды!

Но ведь меняются люди, времена, обстоятельства, и то, что звучало угрозой для одних, для других легко может стать обещанием или даже радостной вестью о его исполнении. Так, Матфей (1:21–23) применяет пророчество о рождении Эммануила к Рождеству Иисуса, хотя это два разных имени. Но Матфей соединяет их потому, что совпадает внутренний смысл этих имен (Иисус – «Господь спасает», Эммануил – «с нами Бог») и самих событий, а не потому, что совпали детали. Нет ничего невозможного и в том, что одно и то же выражение порой может быть понято по-разному, вплоть до противоположных значений.

Игра слов – еще одна особенность библейских книг, которая обычно ускользает от современного читателя. Например, в самом начале книги пророка Иеремии (1:11–12) мы читаем удивительные строки: «И было слово Господне ко мне: что видишь ты, Иеремия? Я сказал: вижу жезл миндального дерева (по-древнееврейски шакед). Господь сказал мне: ты верно ви-

дишь; ибо Я бодрствую (шокед) над словом Моим, чтоб оно скоро исполнилось».

Для нас подобная игра слов может быть предметом разве что шуток. Но для пророка Иеремии сходство между миндалем и бодрствованием достаточно серьезно, чтобы через него Господь открывал людям Свое Слово. Здесь стоит вспомнить, что в библейском иврите большинство гласных не обозначалось на письме вплоть до раннего Средневековья? Значит, на протяжении веков читатели Иеремии видели в этом месте одно и то же начертание ШКД, которое могло быть означать и миндаль (шакед), и бодрствование (шокед). Представьте себе теперь положение бедного ученого, который может прочитать по-разному каждое второе слово в предложении...

А что и говорить о тех отрывках, которые нагружены сложной богословской аргументацией! Вот, например, в Послании к Ефессянам (1:23) Павел говорит, что цер-

ковь есть «полнота Наполняющего все во всем». Что именно имеет он в виду, толкователи спорят до сих пор. Смысл выражения может быть понят по-разному, особенно если учесть, что греческий глагол *πληροο* может означать не только «наполнять» (пустое делать полным), но и «исполнять» (осуществлять задуманное, обещанное). В результате первую половину этого выражения толкуют как минимум в трех смыслах: (а) В Церкви присутствует вся полнота личности Христа; (б) Церковь получает все, что имеет, всю свою полноту от Христа; (в) Церковь служит историческим воплощением того, что Христос желает совершить на земле.

Выражение «наполняющего все во всем» тоже может пониматься по-разному: (а) Христос наполняет Собой все, и ничто в мире не лишено Его присутствия; (б) Бог Сам исполняет Свой замысел; (в) Христос исполнен всего и в Нем нет никакого недостатка. Все эти толкова-

ния прекрасно вписываются в общий контекст послания и, весьма вероятно, Павел нарочно стремился придать своему тексту многозначность. В конце концов, его Послания — не легкое развлекательное чтение, и даже апостол Петр признавался, что местами находил их трудными для понимания (2Петр 3:15–16)!

Конечно, столь многообразные толкования возможны только в некоторых местах.

К тому же, как нетрудно убедиться на примере Послания к Ефессянам, при любом добросовестном анализе все истолкования будут различаться лишь в некоторых частностях. И, по-моему, это очень здорово, что у нас есть не просто сборник нравучений и богословских истин, но живой, неоднозначный, часто загадочный текст, полный поэзии и игры слов. Ведь так гораздо интереснее!

Андрей Десницкий

РАДОНИЦА

Для посещения кладбища Церковь назначает специальный день — Радоницу (от слова радость — ведь праздник Пасхи продолжается) и этот праздник совершается во вторник после пасхальной недели. Радоница в 2018 году — 17 апреля. Обычно в этот день после вечернего богослужения или после Литургии совершается полная панихида, в которую включаются и пасхальные песнопения. Верующие посещают кладбище — помолиться об усопших.

Нужно помнить, что традиция оставлять еду, пасхальные яйца на могилах — это язычество, которое возродилось в Советском Союзе, когда государство преследовало правую веру. Когда преследуют веру — возникают тяжелые суеверия. Душам наших усопших близких нужна молитва. Неприемлем с церковной точки зрения обряд, когда на могиле ставят водку и черный хлеб, а рядом — фотографию усопшего: это, говоря современным языком — новодел, т.к., например, фотография появилась немногим более ста лет назад: значит, и традиция эта новая.

Что касается поминовения усопших спиртным: любая пьянка недопустима. В Священном Писании разрешается употребление вина: «Вино веселит сердце человека» (Псалтирь 103:15), Но предупреждает от излишества: «Не упивайтесь вином, в нем же есть блуд» (Еф. 5:18). Можно выпить, но нельзя напиваться. И снова повторю, усопшим нужна наша усердная молитва, наше чистое сердце и трезвенный ум, милостыня, подаваемая за них, но никак не водка, напоминает священник Александр Ильяшенко.

По свидетельству святителя Иоанна Златоуста (IV в.), этот праздник отмечался на христианских кладбищах уже в древности. Особое место Радоницы в годичном круге церковных праздников — сразу после Светлой пасхальной недели — как бы обязывает христиан не углубляться в переживания по поводу смерти близких, а, наоборот, радоваться их рождению в другую жизнь — жизнь вечную. Победа над смертью, одержанная смертью и воскресением Христа, вытесняет печаль о

временной разлуке с родными, и поэтому мы, по слову митрополита Антония Сурожского, «с верой, надеждой и пасхальной уверенностью стоим у гроба усопших».

КАК ОТНОСИТЬСЯ К МОГИЛЕ ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНИНА?

Кладбища — это священные места, где покоятся тела умерших до будущего воскресения.

Даже по законам языческих государств усыпальницы считали священными и неприкосновенными.

Из глубокой дохристианской древности идет обычай отмечать местопребывания устройством над ним холма.

Переняв этот обычай, христианская Церковь украшает могильный холм победным знаменем нашего спасения — Святым Животворящим Крестом, начертанным на надгробной плите или поставленным над надгробием.

Мы называем наших покойных усопшими, а не умершими, потому что в определенное время они встанут из гроба.

Могила — это место будущего воскресения, и поэтому необходимо соблюдать ее в чистоте и порядке.

Крест на могиле православного христианина — молчаливый проповедник блаженного бессмертия и воскресения. Водруженный в землю и возвышающийся к небу, он знаменует веру христиан в то, что тело умершего находится здесь, в земле, а душа — на небе, что под крестом сокрыто семя, которое произрастает для жизни вечной в Царстве Божием.

Крест на могиле ставят у ног покойного так, чтобы Распятие было обращено к лицу покойного.

Надо особо следить, чтобы крест на могиле не покосился, был всегда окрашен, чист и ухожен.

Простой скромный крест из металла или дерева более приличествует могиле православного христианина, нежели дорогие монументы и надгробия из гранита и мрамора.

КАК ВЕСТИ СЕБЯ НА КЛАДБИЩЕ?

Придя на кладбище, надо зажечь свечку, совершить литию (это слово в буквальном смысле означает усилен-

ное моление. Для совершения чина литии при поминовении усопших надо пригласить священника. Более краткий чин, который может совершить и мирянин, приведен ниже «Чин литии, совершаемой мирянином дома и на кладбище»).

По желанию можно прочитать акафист о упокоении усопших.

Затем прибраться могилу или просто помолчать, вспомнить покойного.

Не нужно есть или пить на кладбище, особенно недопустимо лить водку в могильный холм — этим оскорбляется память покойного. Обычай оставлять на могиле рюмку водки и кусок хлеба «для усопшего» является пережитком язычества и не должен соблюдаться в православных семьях.

Не надо оставлять на могиле еду, лучше отдать ее нищему или голодному.

МОЛИТВА ОБ УСОПШЕМ ХРИСТИАНИНЕ

Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежде живота вечного преставльшагося раба Твоего, брата нашего (имя), и яко Благ и Человеколюбец, отпущаяй грехи, и потребляяй неправды, ослаби, остави и прости вся вольная его согрешения и невольная, избави его вечныя муки и огня геенскаго, и даруй ему причастие и наслаждение вечных Твоих благих, уготованных любящим Тя: аще бо и согреши, но не отступи от Тебе, и несумненно во Отца и Сына и Святаго Духа, Бога Тя в Троице славимаго, верова, и Единицу в Троице и Троицу во Единстве, православно даже до последняго своего издыхания исповеда. Темже милостив тому буди, и веру, яже в Тя вместо дел вмени, и со святыми Твоими яко Щедр упокой: несть бо человека, иже поживет и не согрешит. Но Ты Един еси кроме всякаго греха, и правда Твоя, правда во веки, и Ты еси Един Бог милостей и щедрот, и человеколюбия, и Тебе славу возсылаем Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Расписание богослужений с 16 по 22 апреля 2018 г.		
16 апреля Понедельник	Прп. Никиты исп., игумена обители Мидикийской	ТРЕБНЫЙ ДЕНЬ
17 апреля Вторник	РАДОНИЦА. ПОМИНОВЕНИЕ УСОПШИХ	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия. Панихида <i>/иерей Александр/</i>
18 апреля Среда	ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ СВТ. ЁОВА, ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РОССИИ	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
19 апреля Четверг	Свт. Евтѣхия, архиеп. Константинопольского	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
20 апреля Пятница	Прп. Георгия, еп. Мелитинского	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
21 апреля Суббота	Апп. Иродиона, Агава, Асинкрита, Руфа, Флегонта, Ерма и иже с ними	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
22 апреля Воскресенье	НЕДЕЛЯ 3-Я ПО ПАСХЕ, СВЯТЫХ ЖЕН-МИРОНОСИЦ	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия свт. Иоанна Златоуста <i>/все священнослужители/</i>

СВ. ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

СИЖУ И ДУМАЮ

Как много значит радательный, бодренный и внимательный помысл! Он и внутри, и вне поставляет в строй человека и научает все обращать во славу Божию. Рождается он вместе со страхом Божиим и вместе с ним растет. Чем выше жизнь, тем и он сильнее, но зато тем опаснее потерять его. И минутное ослабление его опасно, тем паче продолжительное. Потому-то и Господь сказал: всем глаголю: бдите. Помысл этот размножает труды и подвиги, с которыми соединено всегда большее или меньшее утомление. К чувству утомления всегда и прививается враг, чтоб подсеять ревность. «Видишь, — говорит, — сколько ты уж трудился; силы ослабели; дай себе льготу».

Желание льгот — первый враг трудов во спасение; оно обнимает душу и тело. Только склонись на этот помысл — тысячи голосов подымутся из души и тела с предъявлениями прав на льготы и послабление. Это есть уже состояние искушения, из которого не выйдешь без борьбы. Борись же и побори, ибо, склонившись на него, расстроишь порядки свои, внесешь смятение в мысли и чувства, охладеешь, остановишься. А после этого пойдут позывы страстные, и, если не опомнишься, пожалуй, впадешь в обычные грехи свои.

Основа труженическому во спасение житию есть терпение. Терпение, в истинном своем виде, не колеблется ни о чем-то из сопротивных. Подобие ему — железо закаленное, адамант, утес среди волн. Но чтоб оно стало таким, ему должна предшествовать смерть внутренняя, или умертвие всему, кроме Бога и Божественного. Как мертвый ничего не чувствует, так и этот ничего не чувствует из того, что бьет его сонне. Начало этому умертвию полагается в самом обраще-

нии грешника. Как новорожденное дитя, оно слабо вначале и растет вместе с возрастом исправного нрава. Вместе с его ростом растут труды, растет и терпение. Отсюда выходит, что терпение не вдруг становится адамантовым. Ему предшествует иногда продолжительный период возрастания, в котором терпение сопряжено с чувством боли, тяготы и скорби, более или менее живым. Тут они бывают болезненны. В этом состоянии оно есть болезненное умирание себе и всему тварному для Бога.

И терпение искушается позывом на льготы. Чтобы меньше было таких позывов, не надо браться вдруг за тяжелые подвиги, а начинать с малых мер и восходить к большим, по примеру того, как сделал святой Дорофей с Досифеем в отношении к пище. Но есть же и предел, выше которого заходить нельзя: не выдержит тело. Так в отношении ко всем потребностям тела. В удовлетворении всех их есть своя наименьшая мера. Закон подвига здесь таков: дойдя до сей последней меры, установись в ней, так чтоб с этой стороны не быть уже более беспokoимым, а затем все внимание и весь труд обрати на внутреннее.

Один старец говорил: «Бог дал, я сплю теперь, когда хочу и сколько хочу». То же бывает и в отношении к пище и питию. Тело — не враг. Поставь его в свой чин, и оно будет самым надежным тебе подружьем.

Кто же враг? Плотоугодливый нрав, навык плоти угодие творить в похоти. Когда чего ни захочет плоть, то ей и дадут без отказа, с придумыванием еще, как бы поусладительнее сделать удовольствие. В этом настроении плоть становится госпожою, а душа — рабою,

очи которой в руку госпожи своей. От того-то и зло, что представляются чины: плоть неразумная сама не умеет держать себя в порядке, а душа слова не смеет сказать в противность.

От чего разлив плотских утех и страстей? От услужливости души плотоугодливой. Телу самому этот разлив неестествен, и в животных мы его не видим. Это буйствует душа, стремления которой безмерны. Отвратившись от предметов, кои могут истинно ее удовлетворять, потому что совпадают своею безмерностью с ее стремлениями, и сочетавшись с плотскими утехами и в них чая обрести искомое благо, она раздвигает их естественные пределы все более и более, чтоб довести их до совпадения с безмерностью своих стремлений. Раздвигая сии пределы и в количестве, и в качестве, душа, в надежде почерпнуть здесь полноту блага, доходит до бешенства (мании) в своих плотоугодливых стремлениях и все же не находит искомого, а только расстраивает и себя, и тело: себя — потому, что не то делает себе, что должно; тело — потому, что для него положена во всем естественная мера, нарушение которой разрушительно для него.

Напрасно говорят, что подвижники враждебно относятся к своему телу. Они только поставляют его в свой чин и удовлетворение потребностей его — в свою меру, с подчинением, конечно, сей меры своим особым целям. Тело есть орудие души в выполнении его целей своего пребывания на земле. В орудие для сих же целей обращают они и удовлетворение телесных потребностей. Таким образом, поелику бдение развивает в душе спасительное умиление, то они сокращают сон, а нередко и совсем не дают себе спать; поелику чувства развлекают, то они пресекают прилив впечатлений на них уединением и прочее.